

Соколова Валентина Федоровна

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

В статье раннее творчество Н. В. Гоголя рассматривается в русле западноевропейского историко-философского движения, раскрывается влияние на него трудов немецкой классической философии, определивших интерес писателя к проблемам всеобщей истории и своеобразию его творческих исканий; одновременно определяется роль в становлении художественного метода Гоголя традиций украинского фольклоризма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

Такэтори». В 1971 г. тибетский вариант, который был чрезвычайно схож с японской «Повестью», хотя и имел ряд сюжетных различий, был переведен на японский язык. Вторичность японского текста была несомненна.

После изучения тибетского варианта стало ясно, почему так много чисто японских реалий было помещено в тексте «Повести»: происходил не только процесс заимствования, но и процесс сильной адаптации инокультурного текста, утверждения национальной литературной традиции в период, когда собственно японская проза еще только начинала формироваться. Со временем выяснилось также, что этот сюжет известен по буддийским сутрам и историческим сочинениям стран Юго-Восточной Азии. Однако это ничуть не уменьшало значения «Повести о старике Такэтори» для процесса становления японской литературы, а лишь доказывало, что уже в IX-X вв. Япония была интенсивно вовлечена в региональные литературные процессы, имела прочные культурные и литературные контакты со всеми странами региона. Кроме того, проявляла способность к глубокой адаптации инокультурных явлений.

Список литературы

1. Глушкина А. Е. Заметки о японской литературе и театре (древность и Средневековье). М.: Наука, 1979. 295 с.
2. Манъёсю (Собрание мириад листьев): в 3-х т. / пер. с яп., предисл., коммент. А. Е. Глушкиной. М.: Наука, 1971-1972.
3. Манъёсю (Собрание мириад листьев): в 3-х т. / пер. с яп., предисл., коммент. А. Е. Глушкиной. М.: Наука, 1972. Т. 3. 455 с.
4. Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни (Кагэро никки) / предисл., пер. с японского, коммент. В. Н. Горегляда. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 352 с.
5. Повесть о прекрасной Отикубо: старинные японские повести / пер. со старояп., вступ. статья, коммент. В. Марковой и И. Львовой. М.: Худож. литература, 1988. 494 с.
6. Повесть о старике Такэтори / пер. со старояп. В. Марковой // Повесть о прекрасной Отикубо: старинные японские повести / пер. со старояп., вступ. статья, коммент. В. Марковой и И. Львовой. М.: Худож. лит., 1988. С. 21-57.

THE JAPANESE MEDIEVAL "TALE OF THE BAMBOO CUTTER": ON THE ISSUE OF BORROWING AND ADAPTATION

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
sadokova@list.ru

The article investigates the history of the formation of the genre of narrative prose Tsukuri-Monogatari in the early medieval Japanese literature. By the example of the earliest works of this genre the paper analyzes the process of borrowing plots from the Tibetan literary tradition and the principles of a comprehensive adaptation of the borrowed text. By particular examples the author shows in what ways giving of a full national colour to the borrowed plot was implemented, the sources of the origin of the protagonist's name in the monument of the ancient Japanese poetry were revealed.

Key words and phrases: the medieval Japanese prose; fairy plot; adaptation of realities and names; national colour; insert novels; the Tibetan literary tradition.

УДК 81

В статье раннее творчество Н. В. Гоголя рассматривается в русле западноевропейского историко-философского движения, раскрывается влияние на него трудов немецкой классической философии, определивших интерес писателя к проблемам всеобщей истории и своеобразие его творческих исканий; одновременно определяется роль в становлении художественного метода Гоголя традиций украинского фольклоризма.

Ключевые слова и фразы: философия истории; фольклор; национальные традиции; историзм; учение; действительность; поступательное движение; идея; Н. В. Гоголь; И.-Г. Гердер.

Соколова Валентина Федоровна, д. филол. н., профессор
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
itoid@yandex.ru

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

Попытки рассматривать творчество Н. В. Гоголя в общеевропейском контексте наметились еще при жизни писателя. Об этом писали А. С. Пушкин [15, с. 27], Н. А. Полевой [14], П. Кулиш [12, с. 237] и многие другие. Эта проблема продолжает волновать и современных исследователей творчества великого писателя. Достаточно вспомнить многочисленные статьи о творчестве Гоголя Е. Дмитриевой, ее докторскую диссертацию и монографию «Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами» [11]. Влияние на писателя европейских историко-философских теорий особенно явно проявляется в его ранних произведениях, и прежде всего в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Для Гоголя-романтика и его современников западноевропейская научная мысль, особенно немецкая классическая философия, явилась самым авторитетным и непререкаемым источником исторического знания. Из трудов Канта, Шеллинга, Гегеля Гоголь почерпнул идею единства и поступательного движения всемирно-исторического процесса, которую он, как и его современники, понимал как «саморазвитие» «духа человеческого». По его представлению, каждый народ, стоящий на «великой лестнице столетий», вносит в этот процесс свою лепту, соответствующую его национальному духу, определяющую его историческое движение [8, с. 46].

В 1936 г. В. А. Десницкий справедливо писал, что «Гоголь не может быть до конца понят и правильно изучен, если мы не осмыслим его творчество в плане общеевропейского движения и идей». «Насквозь русский, – продолжает Десницкий, – Гоголь в идейных предпосылках своего творчества – на материале русской действительности – неразрывно сомкнут с общеевропейским движением мысли, с потоком европейских идеологических и эстетических исканий» [10, т. VI, с. 51-52].

Интерес к философии истории, постижение законов исторического развития были характерной особенностью общественного сознания 30-х годов XIX в. «Век наш – по преимуществу исторический век, – писал Белинский. – Историческое сознание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием живого знания, без нее стало невозможным постижение ни искусства, ни философии» [3, с. 90].

По-новому, в сравнении с предшествовавшим десятилетием, трактуется и сам историзм. Белинский и его соратники понимают его как «универсальную категорию», являющуюся основным методом общественных наук и критерием идеологических оценок. Историзм стал фундаментом целостного философского мировоззрения, корни которого уходили в философские и исторические теории немецкого классического идеализма. Идеи немецких философов (Гердер, Гегель, Шеллинг) являлись основополагающими для новых исторических взглядов.

Оказавшись в среде передовой русской дворянской интеллигенции, многие представители которой в прошлом были активными членами кружка Любоумров, страстно увлекавшихся идеями немецкой классической философии, Гоголь не мог не испытать на себе их благотворного влияния. Их увлечение философией истории не обошло стороной и Гоголя. Ему оказались близки широко распространенная в 30-е годы идея сближения поэзии с историей и мысль о том, что историческая истина является критерием поэтической, поскольку в поэзии народ познает себя. Он вполне разделяет точку зрения С. Шевырева на человека, жизнь которого, как тот считал, необходимо рассматривать в двух ипостасях – общечеловеческой и национальной, – высказанную им на страницах «Московского вестника».

Увлечение немецкой классической философией определило интерес Гоголя к проблемам всеобщей истории, явившимся необходимым этапом на пути его творческих поисков. В статье «О преподавании всеобщей истории», вошедшей в сборник «Арабески», он акцентирует внимание на том, что необходимо выработать единый философский подход к историческим явлениям, что история каждой нации и ее место в историческом процессе станут понятны только в свете общих мировых законов.

Характер гоголевской философии истории был определен сложившимся в Европе новым подходом к фольклору и вообще к народной культуре. Идеи национального самосознания в 30-е годы руководили деятельностью не только ученых-историков, археологов, фольклористов, но и творчеством современных писателей, в связи с чем получала новое значение и проблема народности. Она расценивалась как одна из ипостасей общечеловеческого. Народное, понимаемое еще в свете романтического мышления, определялось уже не как неизменные, навсегда установившиеся черты того или иного национального характера. «Русский народ, – писал Надеждин, – сотворил сам себя, из себя самого, не через воссоздание обветшалых элементов, приобретением новых, а самобытно и самозидательно» [13, с. 391-392]. Постигание закона саморазвития как движущей силы исторического развития определило и демократическое понимание общественного движения.

Философия истории открывала перед Гоголем-художником новые перспективы творчества. Историческая мысль, по его понятиям, неотделима от художественной. Воспринимая философско-историческую истину как критерий эстетической оценки действительности, Гоголь рассматривает ее как реальную предпосылку художественного изображения. Отсюда, как справедливо пишет И. В. Семейкина, и стремление раннего Гоголя-художника к циклизации [16, с. 49].

Создавая «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Арабески», писатель, по мнению исследовательницы, с максимальной полнотой стремился воплотить все грани национального характера своего народа, «создать своеобразную национальную эпопею», представить «идеальное выражение национальной нормы» [16]. Последующие после «Вечеров на хуторе близ Диканьки» циклы демонстрируют отступление от этой нормы, искажение национального характера под влиянием тех или иных напластований или социально-исторических обстоятельств.

Раскрывая две стороны народного бытия – исторически самобытный строй национальной жизни и его современное состояние, Гоголь как бы демонстрирует слияние философско-исторических и эстетических принципов изображения действительности, что воспринималось совершенно в духе времени. Не случайно Белинский, раскрывая сущность нового направления в искусстве 30-х годов, писал: «Историческая истина состоит не в верном изображении факта, а в верном изображении развития человеческого духа в той или другой эпохе. Здесь искусство совпадает с наукою, историк делается художником, и художник – историком» [2, с. 134]. Эти слова Белинского как нельзя лучше характеризовали историзм Гоголя. В статье «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь рядом с именами выдающихся историков ставит имена Шекспира, В. Скотта и Шиллера, в творчестве которых видит отражение определенных исторических эпох.

Историко-философские и литературно-художественные воззрения Гоголя особенно отчетливо проявляются в его отношении к учению Гердера. Он сторонник гердеровской теории органического развития, согласно которой человек является закономерным продолжением развития природы и рода человеческого, проходящего в своем поступательном движении ряд последовательных ступеней. Передовая русская интеллигенция, в том числе и Гоголь, с восторгом приняла учение Гердера. Гоголя особенно привлекал демократический характер гердеровской теории. Книга немецкого мыслителя «Идеи к философии истории человечества» стала для него одним из самых авторитетных историко-философских источников.

Гердер был чужд шовинистического национализма. Он находил великую ценность даже в фольклоре диких, нецивилизованных народов, прослеживая в нем единую линию народной культуры, по которой можно воспроизвести историю человечества, представляющую собой неразрывную цепь развития, в которой проявляется и действует человеческий дух [5, с. 71-73]. Особое значение Гердер придавал изучению народных песен, рассматривая их как средство познания национального характера народа.

В системе Гердера Гоголь нашел философское обоснование исканий романтиков. Особенностью же гоголевского историзма явилось то, что он в отличие от романтиков идеал будущего и историческую закономерность искал в обычной будничной действительности, что отразилось и в его писательской практике.

Называя Гердера, Шлецера, Миллера «великими путеводителями» исторической науки [9, с. 92], Гоголь все же отмечает, что им недостает высокого драматического искусства повествования и занимательности рассказов В. Скотта.

Во всех статьях на историческую тему, вошедших в «Арабески», несмотря на разницу их проблематики, прослеживается стремление Гоголя обнаружить естественно-исторические источники общественного развития, из которого становится понятна его художественная концепция национально-исторического пути России. Эта концепция восходит к философско-исторической идее возрастания человечества, согласно которой развитие общества уподобляется живому организму. «Весь жизненный путь человека – сплошное превращение, – пишет Гердер, – каждый возраст – это рассказы о его превращениях, так что весь род человеческий погружен в одну непроницающуюся метаморфозу» [4]. Уже в начале своего труда он предупреждает читателя о том, что намерен применять в отношении рода человеческого и его культуры такие понятия, как «детство», «юность», «возмужалость», «престарелый» [Там же]. Средние века он относит к прошлому, как юность к детству, а к будущему – как ко времени зрелости.

Размышления о несовершенстве современной науки заставляют Гоголя обратиться к национальным истокам – фольклору – как живому, незамутненному роднику народной жизни, таящему в себе ответы на все вопросы общественного бытия.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь с помощью фольклорного материала заглядывает в далекое, не знающее неволи историческое прошлое своего народа, раскрывает его быт, нравы и национальные особенности характера.

Философски осмысляя прошлое и настоящее народа, Гоголь уже включением в первый цикл украинских повестей повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» соотносит далекую историю и современность, доказывая тем самым пагубность отступления народа от исконно-национальных начал жизни. В 1948 г. А. Г. Абрамович справедливо писал, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь показал жизнь украинского народа «на одной из ранних ступеней его исторического формирования и раскрыл тот человеческий смысл, который возник на этой ступени и стал драгоценным достоянием людей» [1, с. 20].

Доказательство неисчерпаемых потенциальных возможностей нации Гоголь видел в фольклоре, уподобляемом им звучащей, «говорящей» летописи, создаваемой самим народом. Устное народное творчество он воспринимал как подлинно историческую реальность, бережно хранимую в народной памяти, где отчетливо запечатлелся идеальный, не испорченный историческими наслоениями национальный облик народа.

Фольклорный и этнографический материал в его украинских повестях дает благоприятную возможность показать материальную и духовную культуру малороссов, раскрыть их этно-эстетические особенности, истоки их духовности и нравственной красоты. «Сведения эти мне просто нужны были, – пишет Гоголь в «Авторской исповеди», – как нужны этюды художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения. Он не переводит этих рисунков к себе на картину, но развешивает их по стенам... чтобы не погрешить ни в чем перед действительностью, против времени или эпохи, какая им взята. Я никогда ничего не создавал в воображении... У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных» [6, с. 420].

В гоголевских украинских повестях Малороссия предстала перед читателем в ярких, самобытных красках, со всем характерным для нее простонародным домашним укладом. Украинская старина воскресает как в сценах, опирающихся на фольклорные мотивы, так и в увлекательных, порой захватывающих дух рассказах Рудого Панька, Фомы Григорьевича или «горохового панича», которым писатель перепоручает повествование. Введением рассказчика Гоголь добивается предельной конкретности и убедительности изображаемых картин. Влюбленность в свой край, восторженное отношение к приметам национального быта сообщают рассказу Рудого Панька приподнято-романтическое звучание. Он восхищен целомудренной прелестью сельских красавиц, удалью местных парубков, в шалостях и молодом задоре которых видит проявление «своего», «особенного» – национального образа жизни. «...Песни, смех слышатся издали, бречит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум, – восхищенно рассказывает он. – Это у нас вечерницы! <... > у нас соберется в хату толпа девушек вовсе не для балу, с веретенами, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет глаз в сторону, но только нагрянут парубки с скрипачом – и подыметесь крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие шутки, что и рассказать нельзя» [7, с. 11].

Гоголь первый из русских писателей вплотную подошел к народу, к его быту и устному поэтическому творчеству, находя в жизненной прозе истинно поэтические мотивы и радужные краски. Он поднял суровую действительность на всеобщее обозрение, открыв в ней источник прекрасного и возвышенного и доказал важность сближения литературы с народной культурой.

По-другому, по сравнению с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», построены и связаны между собой повести второго цикла. «Миргород» знаменовал новый шаг писателя по пути реализма. В повестях «Тарас Бульба», «Вий» Гоголь изображает более позднюю эпоху из истории Украины – время Запорожской Сечи, когда был нарушен устоявшийся строй национальной жизни. Стремясь соединить глубину исторического взгляда Шлецера и «расторопную мудрость» Миллера с «драматическим искусством В. Скотта», Гоголь в ярких художественных красках раскрывает исторические события XVI-XVII вв. – самоотверженную борьбу украинского народа за свое национальное освобождение.

Тревожные нотки в повести «Вий» уже предупреждали о силе зла как следствии отступления от основ национальной жизни. В новую эпоху мир рассечен непримиримыми противоречиями, в нем нет поэзии, мечты и добра. Герой повести погибает из-за равнодушия к его судьбе сильных мира, воплощающих в себе несправедливость и зло. Современная писателю действительность, представленная в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», рассматривается как одна из последних ступеней искажения природного начала национальной жизни. Измельчание человеческой личности, низменность стремлений, бессмысленно-пошлый образ жизни свидетельствуют о степени нравственной деградации героев.

Резкой критике Гоголь подвергает в основном мелкопоместное украинское дворянство, разоблачая его ничтожество и пошлость. Подлинно национальный смысл жизни писатель видит в простом народе, о чем в ярких художественных красках рассказал в повести «Тарас Бульба».

Собственные опыты в художественном осмыслении истории и размышления над трудами Шлецера, Миллера и Гердера, улавливавшего в устном народном творчестве голоса народов разных эпох, навели Гоголя на мысль написать историю Украины, которая, к сожалению, так и не была осуществлена.

Прокладывая новые пути в развитии русской литературы, Гоголь испытывал сильнейшее влияние как традиций украинской художественной словесности, так и тенденций в развитии новой русской литературы. Само предпочтение фольклорных исторических источников летописям было унаследовано им от украинских писателей (И. Котляревский, А. Боровский, В. Гоголь) и фольклористов (М. Максимович, О. Бодянский и др.). От них же шли традиции романтического освещения и восприятия устного народного творчества. Но только русская интеллектуальная среда, особенно знакомство и дружба с Пушкиным, обеспечила ему благодатную почву, на которой с необыкновенной быстротой и силой расцвел незаурядный талант гениального художника.

Список литературы

1. **Абрамович А. Г.** Мысль народная в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Ученые записки Московского педагогического института. М., 1949. Т. VIII. Вып. I. С. 3-53.
2. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Академия наук СССР, 1954. Т. I. 562 с.
3. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Академия наук СССР, 1954. Т. VI. 583 с.
4. **Гердер И. Г.** Идеи к философии истории человечества [Электронный ресурс]. URL: bdn-steiner.ru/modules/Books/files/Gerder_idei.doc (дата обращения: 04.03.2017).
5. **Гердер И. Г.** Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1959. 279 с.
6. **Гоголь Н. В.** Авторская исповедь // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Худ. лит., 1986. Т. VI. С. 406-442.
7. **Гоголь Н. В.** «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Худ. лит., 1986. Т. I. С. 10-195.
8. **Гоголь Н. В.** О преподавании всеобщей истории // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Худ. лит., 1986. Т. VI. С. 34-46.
9. **Гоголь Н. В.** Шлецер, Миллер, Гердер // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Худ. лит., 1986. Т. VI. С. 88-92.
10. **Десницкий В. А.** Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования: в 2-х т. М. – Л.: АН СССР, 1936. Т. II. С. 51-52.
11. **Дмитриева Е. Н.** В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ, 2011. 392 с.
12. **Кулиш П.** Черная рада. М.: Типография Александра Семена, 1957. 268 с.
13. **Надеждин Н. И.** Литературная критика. Эстетика. М.: Худ. лит., 1972. 572 с.
14. **Полевой Н. А.** Вечера на хуторе близ Диканьки // Московский телеграф. 1831. № 17. С. 94-95.
15. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Академия наук, 1937-1949. Т. 12. 765 с.
16. **Семьшкіна И. В.** Философско-исторические истоки творческого метода Н. В. Гоголя // Русская литература. 1976. № 2. С. 38-58.

GOGOL'S EARLY CREATIVE WORK AND ALL-EUROPEAN HISTORICAL-PHILOSOPHICAL THOUGHT

Sokolova Valentina Fedorovna, Doctor in Philology, Professor
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics
umoipt@yandex.ru

The article considers Gogol's early creative work within the framework of the West European historical-philosophical movement, reveals the influence of the German classical philosophy on it that determined the writer's interest to the problems of universal history and the singularity of his creative aspirations; at the same time the paper determines the role of the Ukrainian folklorism traditions in the formation of Gogol's artistic method.

Key words and phrases: philosophy of history; folklore; national traditions; historicism; doctrine; reality; progressive movement; idea; N. V. Gogol; J. G. Herder.